

Федор Ефимович Савицкий

**И.С. Никитин. Его жизнь и
литературная деятельность**

Жизнь замечательных людей

Федор Савицкий

**И.С. Никитин. Его жизнь и
литературная деятельность**

«Public Domain»

Савицкий Ф. Е.

И.С. Никитин. Его жизнь и литературная деятельность /
Ф. Е. Савицкий — «Public Domain», — (Жизнь замечательных
людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии `Жизнь замечательных людей`, осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют свою ценность и по сей день. Писавшиеся `для простых людей`, для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА I. ТЕМНЫЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Ф. Е. Савицкий

Иван Никитин. Его жизнь и литературная деятельность

*Биографический очерк Ф. Е. Савицкого.
С портретом И. С. Никитина, гравированным в Лейпциге
Геданом.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя поэта-мещанина Никитина занимает скромное, но заметное место в нашей литературе. Правда, это место еще не вполне определено – произведения Никитина и до сих пор не нашли себе надлежащей оценки; но поэтические достоинства их признаны уже несомненно, и некоторые из его стихотворений по справедливости поставлены в один ряд с лучшими произведениями нашей литературы.

Первые стихотворения Никитина появились в печати в начале пятидесятых годов и были встречены общим сочувствием и интересом: воронежского “поэта-дворника” приветствовали как преемника безвременно угасшего А. В. Кольцова, его земляка, имевшего много общего с Никитиным по своему происхождению и судьбе. Подобный взгляд способствовал громкому успеху первых произведений Никитина, и, нужно сказать, успеху незаслуженному: такие стихотворения, как “Русь”, “Война за веру” и др., хотя и носили уже признаки таланта, но ни по содержанию, ни по форме еще ничего оригинального не представляли и были только подражаниями другим поэтам; истинное дарование Никитина окрепло и выявилось позже. Но в пору сильного патриотического возбуждения, которое охватило наше общество в начале Крымской войны, эти стихотворения не могли не производить впечатление; оно усилилось еще более, когда узнали, что автор их – мещанин, содержатель постоялого двора в г. Воронеже. Сравнение между “поэтом-прасолом” Кольцовым, оригинальный талант которого пользовался уже такой известностью, и новым “поэтом-дворником” напрашивалось само собой. Но как ни естественно было такое сопоставление, делавшие его забывали ту простую истину, что одна и та же почва производит различные растения; все зависит от того, какие семена в нее запали. Несмотря на одинаковое происхождение, между Никитиным и Кольцовым в сущности не было почти ничего общего. Кольцов был в полном смысле сын народа, не воображением только, а умом и сердцем принадлежал ему, жил одною с ним жизнью. Он почти ничему не учился и был едва грамотен. Его талант ничем не был обязан образованию или литературе, он явился сам собой, его воспитали леса, поля и степи, которые в юные годы окружали поэта. У Кольцова было “много дум в голове, много в сердце огня”, и эти думы и чувства стремились вылиться в такой свободной форме, как форма народных песен. Это был талант-самородок, подражать которому невозможно. “С ним, – говорит Белинский, – родилась его поэзия, с ним и умерла ее тайна”.

Судьба таланта Никитина совсем иная. Сын мещанина-торговца, он получил образование сначала в духовном училище, потом в семинарии; здесь, в особенности под влиянием литературы сороковых годов и в частности Белинского, которым увлекался молодой семинарист, у него сложилось мировоззрение, оторвавшее его от той темной среды, из которой он вышел, и хотя по своему положению Никитин принадлежал к ней всю жизнь, но умом и сердцем он сделался чужд ей, смотря на нее сверху вниз, как на материал для своей наблюдательности. Это породило душевный разлад, не оставлявший Никитина до конца его дней и доставивший ему много страданий. Искать поэтому в его произведениях того простого, ясного и непосред-

ственного отражения народной жизни, которое так привлекательно в поэзии Кольцова, не имеет смысла. Уже в первых стихотворениях Никитина ничего “самородного” не было; в них виден писатель более или менее образованный, знакомый с лучшими образцами литературы, которым он и подражал вначале. Дальнейшее развитие Никитина совершилось под влиянием кружка просвещенных людей, дружески принявших в свою среду “поэта-дворника”. Вместе с развитием вырос и определился талант Никитина; от подражания он переходит теперь в ту сферу, которая была ему так близка и знакома; эта сфера – жизнь простого народа, преимущественно бедного городского класса; ее поэтом и защитником всего обездоленного и страдающего под гнетом нужды и невежества выступил Никитин в своих проникнутых глубоким чувством и правдой произведениях. Если уж нужно сравнение, то скорбная муза Никитина по своему характеру ближе всего к музе Некрасова, и эпитет “печальника народного горя” с полным правом можно присвоить “поэту-дворнику”, которому это “народное горе” было так близко.

Жизнь Никитина не содержит никаких выдающихся событий. Вся она прошла в тесном провинциальном кругу, а большая часть ее, до выступления на литературное поприще, – в весьма неприглядной обстановке, в борьбе с лишениями, среди темного люда. Об этом первом периоде – о воспитании поэта и жизни на постоялом дворе – существуют только отрывочные сведения. Благодаря своему характеру, замкнутому и нелюдимому, Никитин не любил рассказывать о себе, а из окружавших его в это время не нашлось никого, кто оставил бы нам свои воспоминания. Только после того, как Никитин делается известен в качестве поэта, его жизнь получает большее освещение. Он привлекает к себе общее внимание, входит в кружок образованных людей, которые интересуются им и его развитием. Из этих лиц М. Ф. Де-Пуле, бывший в дружеских отношениях с Никитиным в последние годы его жизни, написал биографию поэта, которая служила главным материалом при составлении настоящего очерка. Биография Де-Пуле при всей своей обстоятельности и ценности – как повествование человека, близко стоявшего к Никитину, – грешит, однако, односторонностью и местами видимым пристрастием к поэту, на которого автор, как и другие члены кружка Второва, смотрел в некотором роде как на свое детище. Другим важным источником для биографии Никитина служат его произведения, в которых рассеяно много автобиографических данных.

ГЛАВА I. ТЕМНЫЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ

Среда. – Отец и мать. – Детские годы. – Духовное училище и семинария. – Семинарское образование. – Влияние литературы. – Страсть к стихам. – Характер Никитина. – Семейная катастрофа и выход из семинарии. – Тяжелые годы жизни. – Отношения с отцом. – Никитин-дворник. – Дружба. – Робкое вступление на литературное поприще. – Первые успехи

Никитин вышел из той же мещанско-купеческой среды г. Воронежа, к которой принадлежал и его даровитый предшественник А. В. Кольцов. В этом царстве торговли и наживы, темного невежества и грубых нравов, по-видимому, нет места для каких-либо других, более благородных стремлений, и переход отсюда в чистую область творчества и мысли представляется особенно трудным. Только избранные натуры путем тяжелой борьбы, в которой надламываются силы и растрачиваются лучшие чувства, могут сохранить в себе и вынести на свет “искру божью” таланта. Это – своего рода подвиг, по большей части невидный и непонятный другим, но настолько же высокий, насколько и трудный. В этом отношении история жизни Никитина представляет много поучительного; лучшим эпитафием к ней могут служить слова самого поэта:

Горек жребий мой суровый,
И много сил я схоронил,
Пока дорогу жизни новой
Средь зла и грязи проложил.

Отец Никитина, Савва Евтихиевич (или просто Евтеич, как его обыкновенно звали), не принадлежал к “столпам” воронежского купечества, хотя вначале имел весьма значительное состояние. Он происходил из духовного сословия, но почему-то вышел из него, переименовав свою фамилию (прежде назывался Кирилловым) и приписался к мещанам. В Воронеже Никитин имел собственный завод восковых свеч, дом и лавку на бойком торговом месте. Большой приток богомольцев, собиравшихся в те годы на поклонение воронежским святыням, делал торговлю восковыми свечами очень оживленной; кроме того, большие партии свеч Никитин рассылал по донским и украинским ярмаркам, так что торговые обороты его доходили тысяч до ста в год на ассигнации. Это состояние, нажитое благодаря уму и торговой изворотливости Никитина, скоро, однако, приходит в полный упадок. Только детские годы нашего поэта были окружены материальным довольством, а затем началось падение, нужда, тяжелая и унизительная борьба из-за насущного хлеба. Но в ту пору, когда родился сын, Никитины не могли еще пожаловаться на свою судьбу; торговые дела были в хорошем состоянии, и дом их пользовался почетом среди местных торговцев. Вероятно, благодаря своему духовному происхождению отец Никитина не был совершенно темным человеком; с природным умом у него соединялась и некоторая начитанность, в особенности же он любил книги духовно-нравственного содержания и наших старинных светских писателей. Но по характеру это был вполне сын своей темной среды. Грубый и самовластный, в молодости отличавшийся огромной силой, которая наводила ужас на участвующих в кулачных боях – дикой, но очень популярной в старину потехе, – Савва Евтихиевич был грозой и для своей семьи. Перед ним совершенно стушевывается его жена, Прасковья Ивановна, кроткое и безответное существо, находившаяся в полном подчинении у мужа и не имевшая, по-видимому, особенного влияния на воспитание сына. Замечательно, что в воспоминаниях о своем детстве, к которому не раз обращается Никитин в своих стихотворениях, он почти ничего не говорит о матери. Иван Саввич родился 21 сентября 1824 года. Беззаботная пора детства, по-видимому, не много радостей доставила ребенку. Он

был единственным сыном и рос почти одиноко; только двоюродная сестра Аннушка, дочь его тетки Тюриной, была подругой его детских игр. Живой и бойкий от природы мальчик под влиянием одиночества, а еще более под влиянием крутого нрава отца скоро делается не по годам сосредоточенным и нелюдимым. “Мечтами детскими ни с кем я не делился, не знал веселых дней, веселых игр не знал”, – говорит Никитин о своей молодости. Такие дети обыкновенно рано начинают присматриваться к жизни и рано задумываются над ней. Уже в детстве у мальчика начинает сильно работать воображение. Едва выучившись грамоте, он уже до страсти предается чтению книг, разумеется, читая без всякого разбора все, что попадалось под руку; тут были и “Мальчик у ручья” Коцебу, и “Луиза, или Подземелье Лионского замка” Радклиф, и наши старинные поэты, и книги религиозно-нравственного содержания, которые находились в библиотечке отца. Другим его любимым развлечением было убежать по ночам к старику-сторожу, который рассказывал ему сказки. Но самыми отрадными минутами для ребенка-Никитина были те, которые удавалось ему проводить среди приволья природы; лес, луга, поля – вот что манило его в детстве и оставило светлое, жизнерадостное чувство, так прекрасно излившееся потом в его стихах. Дом, где жили тогда Никитины, находился в живописной части города, расположенной на высоких горах по берегу реки; отсюда открывалась прекрасная панорама заречной части города. В этой полугородской, полудеревенской обстановке прошло детство мальчика. Первым учителем Никитина был сапожник, который давал ему уроки грамоты в своей мастерской, тачая сапоги. Когда ребенку минуло восемь лет, его отдали в духовное училище. Нетрудно понять, почему отец Никитина предпочел сделать такой выбор; нужно вспомнить, что сам он происходил из духовной среды, что с ней, кроме того, он имел постоянные сношения и по роду своей торговли. Впрочем, Никитин не имел в виду готовить сына к духовному званию; планы его шли дальше: со временем он хотел видеть сына в университете, в надежде, что из него выйдет доктор. Как увидим далее, этим добрым намерениям не суждено было исполниться. О первых годах школьной жизни Никитина нам, к сожалению, почти ничего не известно. Но надо думать, что дореформенная бурса со своими грубыми, исстари установившимися нравами, которые так живо изобразил Помяловский в известных “Очерках бursы”, была одинакова везде. Какая педагогическая система практиковалась тогда в воронежском училище, можно видеть из одного отрывочного воспоминания Никитина об этом времени его жизни.

“Помню я, был у нас учитель во 2-м классе училища, Алексей Степанович, коренастый, с черными нахмуренными бровями. Вызовет он, бывало, тебя на средину класса и крикнет: “Читай!” А из глаз так и сверкают молнии. Взглянешь на него украдкой и начнешь изменяться в лице, в голове пойдет путаница, и все вокруг тебя заходит: и ученики, и учитель, и стены... и понесешь такую дичь, что после самому станет стыдно. “Не знаешь, негодяй! – зарычит учитель. – К порогу!” И начнется, бывало, жаркая баня”.

Это было альфой и омегой всей тогдашней педагогической мудрости, унаследованной, кажется, еще от Средних веков. Только в сравнительно недавнее время, в начале семидесятых годов, реформа коснулась и бursы, разрушила всю старую педагогическую систему, внесла в нее новый дух и нравы. В 1841 году, по окончании училища, Никитин был переведен в духовную семинарию. Здесь для молодого человека начался новый период жизни, непродолжительный, так как Никитин прошел только два класса, но сильно повлиявший на строй его ума и дальнейшее развитие. Описание семинарской жизни сделано впоследствии самим Никитиным в его “Дневнике семинариста”. Все эти очерки проникнуты горечью и недовольством, которые автор вынес из семинарии. И действительно, серенькая, запертая в четырех стенах, с бедной обстановкой и полумонастырской дисциплиной, тогдашняя жизнь в семинарии не могла оставить по себе доброй памяти. Само образование носило сухой и безжизненный характер. Лек-

ции обыкновенно читались профессорами (как тогда называли преподавателей семинарии) по старым, давно составленным тетрадкам, написанным темным и витиеватым языком. Некоторые профессора, чтобы не трудиться над составлением записок, не мудрствуя лукаво, читали по старым академическим тетрадкам, по которым учились сами. Уроки, правда, не оживлялись грубыми и возмутительными сценами вроде вышеприведенной, но зато апатия и скука царили здесь. Вот, например, сцена русской истории из “Дневника семинариста”:

“Яков Иванович читает по старой почтенного вида тетрадке, которая каждый раз закладывается продолговатой, нарочно для этого вырезанной бумажкой; место же, где ударом звонка было прервано чтение, отмечается слегка карандашом, который вытирается потом резиною... Начинается тихое, мерное чтение. Читает он полчаса, читает час, порой протирает очки – вероятно, глаза несчастного подергиваются туманом – и опять без умолку читает. И нет ему никакого дела до окружающей его жизни, точно так же, как никому из окружающих нет до него ни малейшей нужды. Ученики занимаются тем, что им более нравится или что они считают для себя более полезным. Некоторые ведут разговор о взаимных похождениях, некоторые переписывают лекции по главному предмету, а некоторые сидят за романами. Если чей-нибудь неосторожный голос или смех прервет мерное чтение почтенного наставника, он поднимет свои вооруженные глаза на молодежь и громко скажет: “Пожалуйста, не мешайте мне читать!”

Несмотря на солидность наук, входивших в круг семинарского образования, такое безжизненное преподавание не могло расширить умственные интересы учеников, вызвать в них пытливость и осмысленное отношение к науке. Зубристика преобладала. Таким же сухим и схоластическим характером отличались и темы сочинений, которые задавались семинаристам. Например: “Знание и ведение суть ли тождественны?” Или: “Каким образом ум как источник идей может служить средством к приобретению познаний?” Над такими сочинениями молодые головы могли изощряться только в риторических и диалектических тонкостях, но живой и плодотворной пищи для ума тут не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.